

The background is a religious painting depicting Christ on the right, wearing a red tunic and a blue mantle, with a halo containing the letters 'Ω', 'Ρ', 'Χ', 'Σ'. He is surrounded by several apostles in a field of golden wheat. The overall color palette is warm, dominated by gold and yellow tones.

МИТРОПОЛИТ
АФАНАСИЙ ЛИМАСОЛЬСКИЙ

«Да не смущается
сердце ваше...»

митрополит Афанасий Лимасольский Елена Вершинина Да не смущается сердце ваше

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53814437

Митрополит Афанасий Лимасольский. Да не смущается сердце ваше /

Пер. с болг. и новогреч.: Фонд социокультурных проектов «Традиция»;

Москва; 2019

ISBN 978-5-6041696-7-4

Аннотация

Осознание того, что мы попали в затруднение, правильное отношение к происходящему – вот что приведет нас к преодолению трудностей. А для этого нам всегда нужно видеть перед собой Христа.

В новой книге митрополита Афанасия Лимасольского – ответы на вопросы современного христианина: о жизни со Христом, семье и отношениях с ближними, работе и Промысле Божиим о каждом человеке. В проповедях владыки Афанасия – опыт христианина, касающийся сердца каждого из нас, совет его, простой и понятный, но исполненный духовной мудрости.

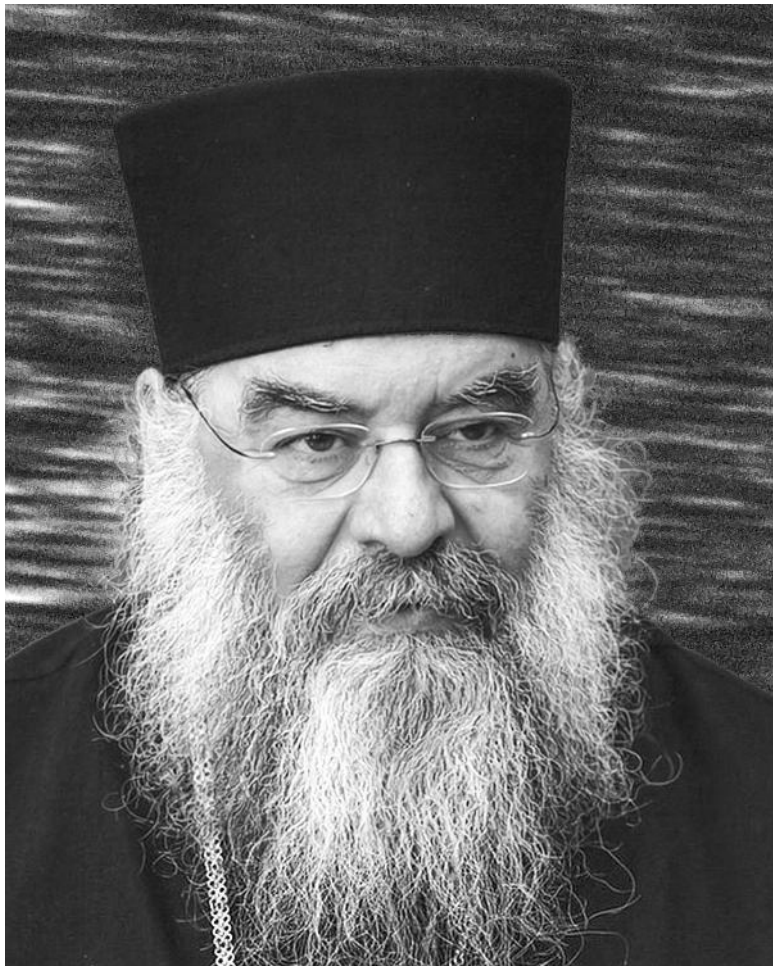
Содержание

Предисловие	5
Часть I	12
Будьте благожелательны друг ко другу!	12
Любить, ничего не требуя	22
Любовь – это отдать себя другому, чтобы он был жив тобою	36
Конец ознакомительного фрагмента.	54

МИТРОПОЛИТ
Лимасольский Афанасий
Да не смущается
сердце ваше...

© Фонд «Традиция», 2019

Предисловие

Будущий митрополит Лимасольский Афанасий (Николау) родился в 1959 году в семье успешного предпринимателя. Андрей – так звали мальчика – жил благополучнее, чем большинство его сверстников, ему были доступны многие материальные блага. Но с детства его душа стремилась к иному. Следуя опыту Православной Церкви, он предпочитал проводить время в молитве или за чтением духовной литературы, особенно восхищаясь подвигами монахов Святой Горы Афон.

В 1973 году, в четырнадцать лет Андрей покинул родительский дом и поступил в школу при Священной Митрополии кипрского района Пафос. А три года спустя состоялась его хиротония во диакона, которую совершил митрополит Пафоса Хризостом.

Закончив школу, отец Андрей продолжить учебу на богословском факультете Университета имени Аристотеля в Салониках. Именно в этот период юноша мог посещать расположенную неподалеку от Салоник Святую Гору Афон. Тогда он знакомится с современными святогорскими старцами, удивляясь их жизни по Евангелию. Тогда он воочию увидел, что все, о чем говорил Спаситель, все, что написано в житиях святых, происходит и в наши дни.

По окончании университетской учебы в 1980 году отец Андрей удалился на Святую Гору Афон, где вступил в число братии Нового Скита, духовником которого был извест-

ный старец Иосиф – ученик афонского старца Иосифа Исихаста. Знакомство духовника скита и диакона Андрея произошло еще до этого: отец Иосиф некоторое время подвизался на Кипре в Иереев монастыре (Агия-Мони) в городе Пафос. Там, в конце 70-х годов старец Иосиф познакомился с двумя юношами: диаконом Андреем (впоследствии митрополитом Лимасольским Афанасием) и его школьным другом, иереем Василием (впоследствии игуменом обители Ватопед, архимандритом Ефремом).

В 1982 году отец Андрей был пострижен в великую схиму с именем Афанасий и рукоположен во пресвитера.

С 1987 года братство старца Иосифа трудилось над восстановлением монашеской жизни в афонской обители Ватопед. Старец Иосиф оставался духовником братии, отец Ефрем был избран игуменом, а отец Афанасий – помощником игумена и членом собора старцев. Удивительные организаторские способности отца Афанасия не остались незамеченными: на 1991–1992 годы его избрали протоэпистатом Святой Горы. Значение этого события заключалось еще и в том, что отец Афанасий стал самым молодым протоэпистатом¹ за всю тысячелетнюю историю афонского монашества.

В 1991 году, во время посещения Святой Горы Архиепископом Кипра Хризостомом I, отец Афанасий получил пред-

---

¹ *Протоэпистат (прот)* – глава исполнительной власти на Святой Горе, управляющий, ежегодно избираемый из одного из пяти привилегированных монастырей.

ложение вернуться на Кипр для возрождения древнего монастыря.

Монастырь Божией Матери Махера

Несмотря на то, что отцу Афанасию было трудно покинуть Святую Гору Афон, он оказал послушание и с одобрения старца Порфирия Кавсокаливита и благословения свое-

го духовного отца, он поехал на Кипр.

В 1992 году вместе с тремя другими ватопедскими иноками отец Афанасий вступил в монастырь Иереев, или Агия-Мони. Через год братия в полном составе перешла в монастырь Божией Матери Махера. 4 ноября того же года отец Афанасий был избран игуменом той обители. Он полностью посвятил себя служению Церкви: занимался благоустройством монастыря и духовно окормлял братию и паломников, число которых росло день ото дня. Несмотря на многочисленные пожелания по восстановлению построек монастыря, значительную часть своего времени игумен Афанасий уделял беседам с паствой и братией.

11 февраля 1999 года решением Священного Синода отца Афанасия единогласно избрали митрополитом Лимасольским, а 14 февраля того же года состоялась его архиерейская хиротония с возведением в сан митрополита и интронизация.

Став епископом, владыка Афанасий не перестает быть монахом. Как добрый пастырь, он относится к людям по-отечески просто и нелицемерно. Владыка доступен и открыт для всех. В течение года он обязательно посещает все воинские части и воспитательные и учебные заведения, разговаривает с молодежью и преподавателями, рассказывает им о Церкви и Христе. Каждый год митрополит старается хотя бы по одному разу отслужить во всех храмах Лимасольской митрополии. Нескончаемые часы он посвящает тому, чтобы вы-

слушать каждого, кто приходит к нему со своими нуждами. Для всех митрополит находит слова утешения и поддержки.

С 1993 года четыре раза в месяц митрополит Афанасий выступает с открытыми беседами в храмах Лимасольской митрополии и Кипрском университете. Молва о его выступлениях распространилась по всему Кипру довольно быстро, а сегодня они переводятся на другие языки и его проповедь Христа продолжается и за пределами Кипра и Греции. Митрополит Афанасий не успеваает писать, поэтому все издания за его авторством – это сборники записанных проповедей.

Проповеди митрополита Афанасия – это примеры из его жизни, жизни его паствы и его духовных наставников. Ситуации, которые описывает владыка, – близки каждому человеку, который так или иначе решился на борьбу с грехом ради Царствия Небесного. Читатель узнает во многих эпизодах себя и понимает, что в этой борьбе он не один.

Одна книга с беседами митрополита Афанасия, прежде изданная на русском языке, называется «Открытое сердце Церкви»: и в самом деле, своим словом владыка открывает мир веры для совершенно разных людей. Он говорит о красоте православия просто и искренне. Его твердое упование на Бога и духовный опыт успокаивают смущение сердца и указывают путь преодоления испытаний, встречающихся в жизни каждого.

Часть I

Любить, ничего не требуя

Беседы о семье

Будьте благожелательны друг ко другу!

Я хотел бы поговорить об одной человеческой болезни – грубости характера. Многие отцы Церкви особо отмечали этот недостаток, потому что грубость – это отсутствие любви. А отсутствие любви – это отсутствие духовной жизни или ее ложная направленность.

Христианину нужно приобрести сердце кроткое и любвеобильное. Мы можем внешне вести себя вежливо и учтиво, но вежливость эта может быть жесткой, мертвой. Эта вежливость будет просто обходительностью и приобретенным навыком поведения. Мы, монахи и христиане, не придаем светской внешней вежливости очень большого значения. Человек может не знать внешнего этикета: например, как войти в какой-нибудь аристократический дом, как себя там вести и держаться, как пользоваться всевозможными столовыми приборами, – и при этом обладать редким душевным благо-

родством и тонкостью.

Преподобный Паисий Святогорец

Я знал одного монаха-отшельника, который 40 лет не выезжал со Святой Горы. Как-то его навестил один знакомый, взяв с собой своего пятилетнего сына. Отшельник сорок лет не видел маленьких детей. Как только он увидел ребенка, он воскликнул: «Господи, помилуй!» Он очень долго смотрел на мальчика и потом проговорил: «Надо же! Какой ма-

ленький! Первый раз за сорок лет вижу здесь ребенка!» Он осмотрел его голову, лицо, ноги, руки. «Какая маленькая голова, какие маленькие ножки и ручки!»

Единственным малышом, которого он видел за все это время на Афоне, был Младенец Христос на руках Богоматери.

Можно было бы предположить, что такие монахи-отшельники должны бы совсем одичать в одиночестве или потерять способность общаться.

Но мы видим нечто противоположное. Многие преподобные отцы Церкви писали в своих творениях о внимательности в отношениях с ближним, они тщательно следили за собой, чтобы каким-нибудь образом не обидеть брата. Вот, к примеру, авва Дорофей пишет, что человека можно обидеть не только словом, но даже и одним презрительным взглядом.

Если кто-либо из вас видел когда-нибудь подлинно духовных людей, то помнит, насколько вежливы и благородны они, и эта их вежливость проистекает из уважения к человеку как образу Божию, в ней абсолютно нет чего-то ложного, искусственного.

Я встречал подвижников, и они горели любовью к людям. Какую внутреннюю свободу они имели! Какая тонкость, какое внимание, какая уважительность были в их поведении. И, наоборот, человек грубый и резкий совершенно не следит за своими действиями. Он даже может не заметить, что своей грубостью неприятен собеседнику.

Святые же имели такую тонкость и мудрость, что были способны без давления помочь человеку осознать совершенную им ошибку. Я вам приведу пример.

Однажды на Афон приехал человек, который ненавидел своего отца. Он пошел на исповедь к одному старцу и открыл ему это. Старец спросил его: «Почему же ты ненавидишь собственного отца?» – «Потому что наша мать смертельно больна, она, может быть, скоро скончается; у моей сестры проблемы с мужем; брат мой стал употреблять наркотики, каждый день уходит из дома и бродит по улицам в поисках дозы, – а мой отец вместо того, чтобы заниматься нами, связался с какой-то женщиной. Целыми днями он говорит с ней по телефону или же пропадает у нее дома. И если он когда-нибудь соберется пойти в магазин, то уходит до вечера, а мы его ждем с покупками. Я его уже предупредил, что выставлю из дома. Дом принадлежит мне, так что пусть убирается к этой женщине или куда хочет! У нас в семье столько проблем: больная мать, сестра на грани развода, брат наркоман, а он целыми днями пропадает и ничем не интересуется!»

Старец сказал ему следующее: «И тебе не жалко своего отца, если ты собираешься прогнать его? Я думаю, что отец твой в глубине души не такой уж и плохой человек. Видишь ли, в чем дело: видимо, он не выдержал свалившихся на него проблем и нашел для себя у этой женщины временное утешение. Я нисколько его не оправдываю. То, что он делает, является тяжелым грехом. Некоторые слабые души ищут утешения в вине, некоторые – в наркотиках, а твой отец пыта-

ется уйти от домашних проблем таким образом. Надо постараться понять его и найти способ помочь ему.

Я думаю, если ты будешь действовать с любовью и молиться о нем, то Господь просветит тебя, как ему помочь».

Старец помог молодому человеку избавиться от ненависти к отцу, мучившей его долгие годы, и дал ему увидеть, что его отец сам запутался и нуждается в помощи, понимании и поддержке.

Я вам приведу еще один пример, чтобы мы никого не осуждали. На Святой Горе жил один русский монах. Этот монах выпивал. Иногда его под руки доставляли в его келью. Миряне, видя его пьяным, смеялись над ним. Картина и правда была соблазнительная: приезжал автобус, паломники высаживались на площади в Карее и видели, как какой-то монах еле стоит на ногах.

Однажды мы пошли к старцу Паисию и рассказали ему об этом.

– Не соблазняйтесь! – сказал он. – Этот монах добродетельный. Но знаете, в чем тут дело? Он стар, живет один, все им гнушаются, позаботиться о нем некому, а зимы в Карее холодные, дров же у него нет, и печь он не топит. Чтобы согреться, он пьет ципуро (это виноградная водка). Рюмку, вторую, третью... И пьянеет. Со временем это вошло у него в привычку. Надо относиться к немощам братии с сочувствием, молясь об их исцелении.

Действительно, все было так, как нам сказал старец Паи-

сий. Наш игумен пожалел этого монаха и взял его в монастырь, чтобы присматривать за ним, так как он уже был не в состоянии себя обслуживать.

Так вот, этот старчик провидел свою смерть. В субботу, проходя через монастырскую больницу, я увидел его.

– В понедельник я умру!

– Когда?

– В десять часов утра по византийскому времени, во время вечерни. И скажи моему послушнику в Ивироне, чтобы он тоже готовился к смерти: мы с ним умрем в один день.

– Старче, мне что, позвонить ему и сказать, что он умрет?

– Да нет же! Скажи ему, чтобы он пришел попрощаться со мной, я преподам ему последнее благословение.

Я позвонил его послушнику, румыну по национальности, и сказал ему то, что мне передал его старец. Он пришел в монастырь через несколько часов. Старец обнял своего послушника, и они взаимно попросили прощения друг у друга. В субботу старец исповедался и в воскресенье причастился.

В понедельник я навестил его в больнице. Я подошел к нему и спросил:

– Старче, когда ты уходишь от нас?

– Пока что еще рано, я уйду в десять часов.

Во время вечерни я снова проведал его. Он лежал в кровати, его душа уже покидала тело. Вдруг он открыл глаза и сказал:

– Вот идет Богородица!

И с этими словами на устах скончался.

Понимаете?! Его душу забрала Сама Богородица! Видите, каков суд человеческий и каков Божий!

И еще один подобный случай я видел на Святой Горе. Это было с одним старчиком-простецом. Как-то раз, когда все монахи вышли из храма и мы остались в церкви одни, он сказал мне:

– Завтра среда, потом четверг, потом пятница, а в понедельник отец Филипп «уезжает».

Он был родом из Малой Азии и сказал это слово по-турецки. Я спросил его, что это значит. Он ответил:

– Это значит, что я умру!

В четверг и в пятницу он не пришел в храм. Чтобы дойти до храма, ему требовалось много времени. Обычно он заранее медленно, по-старчески шел в храм. Так как он уже отсутствовал два дня, я пошел навестить его в его келье. Стучу в дверь – ответа нет. «Ладно, зайду попозже», – подумал я. На следующий день снова стучу в дверь – ответа нет. Стучу в окно, громко зову его по имени – тишина. Тогда мы пошли к игумену спросить, что нам делать.

– Ломайте дверь! Похоже, что он скончался! – сказал игумен.

В субботу мы, молодые монахи, собрались возле его кельи, чтобы выломать дверь. Дверь была заперта изнутри.

Раз, два, три – дверь слетела с петель. Входим внутрь: старец, изможденный, сидит перед иконами, облаченный в схи-

му, держа четки в руке. Он повернулся к нам и сказал:

– А ну-ка все вон из кельи.

Мы стали упрекать его за то, что он не открывал нам дверь.

– Почему я должен сегодня открывать вам дверь? Я же тебе сказал, что отойду в понедельник, а сегодня еще только суббота. Так что уходите.

Мы вышли из кельи и попросили брата-столяра срочно починить дверь. И действительно, в понедельник этот монах преставился.

Эти старчики и подобные им подвижники были совсем неизвестны миру, многие миряне смотрели на них через призму собственных представлений, зачастую превратно толкуя их действия. Эти старцы имели с Богом совершенно другие отношения, и за их веру и простоту Господь открыл им время их исхода из этой жизни. И сама смерть стала для них успением.

Этими примерами я хотел показать вам, что благодать Святого Духа освящает этих подвижников от макушки до пят, просвещая их. Человек, обновленный Святым Духом, становится совершенным, насколько может стать совершенным человек. Он становится духовно вежливым, приобретает рассудительность в действиях и правильные отношения с людьми.

Поэтому, дорогие, нам необходимо читать жития святых. Разбирать примеры из их житий: как они вели себя с други-

ми людьми? Нам необходимо учиться у них искусству преодоления больших и малых трудностей сей жизни, искусству самоотверженности.

Святые были очень решительными людьми, они с помощью Божией превзошли самих себя, исцелились от последствий живущего в них греха и по обновлении их Святым Духом соделались новыми людьми, такими, какими их создал Бог.

Любить, ничего не требуя

Сегодня «любовь» – исключительно популярное слово. Мы видим, что во имя любви совершаются даже преступления и другие нездоровые поступки, которые прикрываются тем, что они, дескать, делаются из любви. Очень часто любовь проявляется как сильнейшая энергия нашего эгоизма. Поэтому нередко мы наблюдаем следующее явление: человек, который думает, что любит другого, по сути ненавидит его, не оставляет ему никакой свободы, не дает ему совершенствоваться в его независимости, индивидуальности, а хочет покорить его, перечеркнуть его индивидуальность ради своей мнимой большой любви.

Самое трагичное здесь то, что мы не понимаем: эта так называемая любовь вовсе не настоящая любовь, а энергия нашего нездорового эгоизма. Поэтому отцы в качестве предпосылки для настоящей любви указывают на смирение, и это означает, что человек ничего не хочет для себя, он ничего не ищет для себя, а единственно для другого. Потому что любовь Христова, Любовь – это счастье, которое не сравнимо ни с чем на свете.

Она – такое состояние, она так богата, велика, бесценна, что нет ничего на свете, с чем можно было бы ее сравнить.

Отцы иногда говорят о Христовой любви в самых дерзновенных словах и самых смелых образах, но даже они

недостаточно сильны, чтобы передать реальность Христовой любви.

Однако это только один аспект любви – любовь как счастье, как совершенствование нашей личности. Она есть совершенство, поскольку Бог, наш Первообраз, есть истинная Любовь. *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Но у любви есть еще и другой аспект – мученичество. Мученичество любви выше всякого другого мученического подвига. Христово мученичество – в Его великой и совершенной любви к людям.

Когда Он, молясь в Гефсиманском саду, сказал: *«Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия»* (Мф. 26, 39), – Он имел в виду не то, чтобы Ему не умереть и не быть распятым на Кресте за нас, ведь Он для этого и пришел в мир. Он пришел в мир, полностью сознавая, что идет для того, чтобы умереть за человека. Суть чаши, о которой Господь молился, да минует она Его, – в том, что мы, те, кого Христос возлюбил до конца, возлюбил абсолютно, Божественно, мы, возлюбленные Божии, распнем Его.

Как мать, чье дитя идет, чтобы убить ее. Если бы ее зарезал враг, ее страдание было бы меньшим, чем когда ее убивает ее собственное дитя, которое она так любит и ради которого жертвует собой. Если ей скажет хульное слово какой-нибудь чужой человек, она перенесет это, но если ее дитя скажет ей то же самое, это причинит ей неимоверно большее страдание. Представьте себе, насколько сможете, какая это огромная боль, какое мучение для Бога – быть распятым на-

ми, теми, кого Он безоговорочно любит!

и просеухѣ

перыи думтеятъ
и сласто и пейто
потирюнтъ топлн
духъ бо ево алаосу

IC

XC

Моление о Чаше

В сущности, эта молитва Господа касалась не Его, а людей. Это о нас Он молился в тот час и за нас проливал кровавый пот, чтобы, если возможно, мы Его не распинали. Пусть это произойдет каким-нибудь другим образом, но только чтобы не мы – человечество, человек – совершили это зло.

Итак, мы с вами увидели мученическое измерение любви. Если мы вникнем в него, то каждый раз сможем исследовать нашу любовь в ее различных проявлениях, даже в наших естественных взаимоотношениях. Например, жена говорит: «Я люблю своего мужа, но с трудом выношу его».

Но разве это любовь?! Любовь означает умереть самому, лишь бы жив был он. Любовь означает страдать за других.

Ты возразишь мне: «Отче, но кто может сделать так?» И все же мы должны знать, что требовать любви – признак духовного бессилия, чтобы не сказать: духовной болезни. Будем хотя бы сознавать, что мы бессильные, больные люди и поэтому нуждаемся в любви других. Как бы нам ни был неприятен такой диагноз, но он тоже порождение нашего эгоизма.

Святые не интересовались тем, любят ли их другие. Их интересовало то, любят ли они сами людей. Совершенство человеческой личности, наше совершенство как людей заключается в том, чтобы мы любили, а не были бы любимы

другими. Потому что Сам Христос не сказал нам: «Когда вы будете любить других, они тоже будут вас любить»; Он не сказал нам, чтобы мы делали добро, за которое все будут любить нас и отблагодарят хорошими словами; Он не сказал нам, что если мы будем верить в Него, то все будут считать нас хорошими и хвалить. Одним словом, Он не сказал нам, что мы, христиане, будем жить припеваючи. Напротив, Он сказал нам: «Если будете верить в Меня, вас неизбежно будут гнать» (ср. Ин. 15, 20).

Верить в Него значит любить людей, как Он их возлюбил. А они, несмотря на это, будут вас гнать, клеветать на вас, обижать, убивать, истреблять с лица земли. И все это они будут делать, полагая, что тем самым приносят жертву Богу (см. Ин. 16, 2). Когда они будут убивать вас, то в этот час будут думать, что такова Божия воля, что вы такие страшные злодеи, такие окаянные, что Божия воля такова, что вас нужно истребить из мира сего, – и во имя Божие они захотят вас уничтожить.

Христос сказал нам, что Он будет посылать нас, как овец среди волков (см. Мф. 10, 16). Один старец со Святой Горы Афон говорил:

– Что это такое? Он не послал нескольких волков среди множества овец – скажем, трех волков среди пятисот овец. Ну сколько съедят эти три волка? Ну, съедят они десять-пятнадцать, пятьдесят овец, а остальные останутся целы. Но если ты пошлешь пять овец посреди пятисот волков, то от

них не останется и косточки! И вопреки этому Христос сказал нам: *«Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков»* (Мф. 10, 16). Это не значит, что братья, окружающие нас, – волки! Нет! Просто наш путь на свете мученический, и, идя по нему, человек совершенствуется.

Иными словами, христианин не может состояться другим способом. Если мы поймем это, мы, желающие слушать слово Божие и верить во Христа, тогда мы изменим способ, которым любим, и способ, которым требуем любви. Мы поймем, что мы должны любить и не надо ждать, чтобы нас любили. А когда почувствуем, что начинаем претендовать на то, чтобы другой любил нас, чтобы он служил нам, понимал нас, тогда будем знать, что это духовное заболевание, что мы очень больны, очень слабы.

Люди в прошлом не были такими душевнобольными, как мы сегодня. У них не было наших проблем. А что происходит сегодня?

– Он меня не понимает, он не соглашается с моим мнением, он не проявляет понимания!

И пошло-поехало: распадаются семьи, дома, страдают родители, дети, всё рушится. Почему? Потому что «он меня не понимает».

Ну хорошо, он тебя не понимает. А ты не можешь проявить терпение? Перенести это?

– Я его люблю, а он меня не любит!

Но если бы ты его действительно любила, ты бы терпела

его.

Мы слабые, и даже любовь у нас слабая. Поэтому для нас очень полезно узнавать истинные движения любви – это по меньшей мере позволит нам дать правильный диагноз нашему душевному миру. Чтобы хотя бы тогда, когда совершаем ошибки, понимать это, а не считать, что поступаем правильно.

Входя в пространство Божией любви, святые вместе с тем вступают в великий мученический подвиг – подвиг любви ко всему миру. Часто мы смотрим на лики святых на иконах, слушаем рассказы из их жизни и говорим: «Как же у них все хорошо и свято!» Читаем о святом апостоле Варнаве, святом Неофите и думаем, что вся их жизнь была такой хорошей, такой прекрасной близ Бога! Видим, как и к нам приходят люди и начинают ублажать нас:

– Отче, вы близки к Богу и молитесь день и ночь!

И думают, что наша жизнь – сказочное счастье оттого, что мы монахи... Или когда читают жития святых или мы рассказываем им о их подвигах, например о старце Паисии, то они думают, что жизнь этих святых людей была совершенным счастьем, радостью и покоем. Однако могу сказать вам, что эти люди или хотя бы те, кого я знаю, например старец Паисий, были далеки от подобных представлений о счастье.

Старец Паисий жил с такой болью в душе, вел такую мученическую жизнь, что никто даже не осмелился бы подумать об этом. Это был подвиг мученичества, который этот

человек нес повседневно, поскольку имел огромную любовь к людям. Мы не можем понять этого, пока сами не испытаем. События, которые проходят для нас незаметно, для святых очень серьезны и очень трагичны. Каждое слово, не имеющее для нас большой ценности, для святых имеет.

Поэтому Пресвятая Богородица как человек страдала больше всех людей на свете. Никогда не будет человека, который испытал бы большую скорбь, чем Она. Почему? Ведь и другие матери видели, как умирают их дети у них на глазах. И другие матери пережили это мучение. Но не то чтобы смерть их ребенка не была трагичной – конечно, была. Но ни у одного человека нет чувствительности и благородства души Пресвятой Богородицы в такой абсолютной и совершенной степени, чтобы испытать такую великую боль.

Поэтому мы видим, что Господь, Пресвятая Богородица, а также святые были людьми, переносящими огромную боль. Боль эта обращается на пользу и получает ценность в духовной жизни. Поэтому, когда наступает такой час, когда мы даем, но не получаем, жертвуем собой, а наша жертва не бывает понята, терзаемся, рвемся, а нас вопреки этому отталкивают, презирают, – это очень ценные моменты, дающиеся нам для нашего усовершенствования. Мы освящаемся в этой боли и в этом мученическом подвиге.

Объясняя тайну креста как начертания, отцы говорят, что вертикаль Креста означает нашу любовь к Богу, а горизонталь – любовь к людям, ближнему. Эти две любви составляют крест. Он есть мученичество, и не просто мученичество, а смерть.

А если он – смерть, то мертвец уже не может иметь никаких претензий. Не может ждать ничего, не должен ждать ничего. Поэтому в качестве предпосылки к любви отцы указывали на смирение. Смирение означает умерщвление своего эго, своих желаний, претензий, прав.

Разумеется, тут нужно напомнить, что существует огромная разница между этим умерщвлением и умерщвлением буддийским, индуистским умерщвлением. В восточных системах и философиях оно означает апатию, которая в сущности является бездействием, неподвижностью души к чему бы то ни было. «Умерщвление» же в Православной Церкви

означает умерщвление греха, страсти и в то же время воскресение во Христе, оживотворение человека во Христе, обновление Божиего человека, со-образование нас с Христовой жизнью.

Бесстрастие в Православной Церкви означает отвержение страстей, а не бесчувственность. Оно означает отвержение греха, соблазна; означает самую великую силу – силу любви.

Скажем несколько слов и о телесной любви, о которой человек думает, что когда мужчина влюбляется в женщину, то они должны иметь плотскую связь еще до благословения от Бога, то есть до таинства Брака.

– А почему бы нам, если мы любим друг друга, не иметь такой связи? – говорят. – Мы не можем понять, почему же нет.

Потому что речь заходит об эгоизме.

Если их связь проистекает из настоящей, действительной любви, тогда каждый будет уважать другого, будет воспринимать его не только как плоть. Поэтому я и говорю иногда: если бы они, вступая в такие связи, чувствовали себя если не как-нибудь еще, то хотя бы сплоченными и счастливыми! Если бы семьи и люди чувствовали себя счастливыми, соединяясь между собой, – то это хорошо.

Однако странно то, что, когда люди соединяются телесно, они превращают плотское наслаждение в божество и науку; оно даже уже не наука, а выходит за рамки науки и становится божеством. Божеством в современном мире, и чем больше

повторяются телесные контакты и люди свободно предаются им, тем больше они изолируются друг от друга и тем больше приближаются к деградации. Как объясняются эта деградация и отчуждение, все эти психологические комплексы и болезни, в эпоху, которая не ставит никаких барьеров для свободных плотских связей между людьми? Поэтому эти связи не на пользу им, как часто думают люди.

Человек должен посмотреть в глубь вещей, понять, где тут разгул стихии и где признак любви. Это понимание начинается в тот момент, когда мы перестаем требовать чего-то от другого, а начинаем принимать его таким, какой он есть, уважать его, любить, совершенствоваться в отдаче ему того, что у нас есть.

Однако чтобы человек получил силу отдавать другому, не ожидая ничего, он должен вложить внутрь себя Божию благодать, Христа, Который первым умер за нас, не ожидая от нас ничего. Как говорит святой апостол Павел: еще когда мы были во грехе, Христос умер за нас (см. Рим. 5, 6). Он умер за нас в тот самый момент, когда мы отреклись от Него и были до крайнего предела полны грехов. Если мы поймем это, особенно молодые семьи, то научимся быть счастливыми.

Зло и разделения начинаются в тот миг, когда мы начинаем хотеть от другого, чтобы он отплатил нам, когда мы начинаем претендовать, ожидать и хотеть воздаяния за свою любовь, за услуги, которые мы ему оказали. Тогда в нас проникает микроб разделения. Если другой человек кроток, сми-

рен и снисходителен, то хорошо, все налаживается. Но если неприметный микроб разделения проникнет и в него, тогда разверзаются огромные пропасти.

Получается так, что когда двое встречаются вроде бы для того, чтобы разобраться, выяснить свои различия, то вместо примирения они делают эту пропасть еще больше. Потому что вместо того, чтобы поправить себя, каждый начинает поправлять другого, предъявлять претензии к нему, и таким образом все становится еще хуже, чем было прежде. Тогда как человек, который действительно любит, смиренный, не смотрит на другого, а на себя, на свои ошибки, не требуя от другого взамен ничего.

Любовь – это отдать себя другому, чтобы он был жив тобою

Брак – это очень серьезно, он заключается не просто так – он находит основание в Церкви, которая является местом общения между людьми, их реального единодушия, и в ней мы, самое главное, получаем Божие благословение для укрепления своих сил. Таинство Брака, как и любое другое таинство, совершаемое в Церкви, – не какое-нибудь формальное действие, а реальное священнодействие, и слова, которые там произносятся, реальны, существенны, они – сама реальность.

Когда кто-нибудь рукополагается в священника, мы не говорим ему: «Желаем тебе стать священником! Хотя, может, ты им и не станешь!» – нет, он обязательно становится священником. Когда говорим: «Крещается раб Божий», – ребенок становится христианином, и это значит, что человек этот уже крещен, он христианин. Из его сердца и всего существа убегают демонические энергии, он совлекается ветхого человека, облачается во Христа, его сердце покрывает Божия благодать, и он становится одним целым со Христом.

Также и когда мы вступаем в брак, это означает, что мы принимаем благодать Святого Духа, соединяющую двух человек. То есть люди начинают обладать чем-то, что активизируется, Бог подает им это через Церковь, и оно активизирует-

ся, чтобы таинство могло действовать, укреплять, покрывать человека и подавать ему силу.

Помню, в Новом Скиту на Святой Горе Афон, где мы жили, нас навелили как-то несколько евреев, человек трое-четверо. И в одном из них чувствовалось что-то особенное. Когда мы стали его спрашивать, он рассказал о себе, что ему двадцать семь лет, и в младенчестве он был православным христианином. Что же произошло потом? Мать у него была киприоткой, вышла замуж за еврея, и когда ребенок родился, крестила его, но, когда ему исполнилось два года, ушла

от мужа, оставив его с ребенком. То есть он фактически не видел матери, но знал, что он сын христианки и крещен, а в остальном был обычным евреем: ходил в синагогу, не верил в Христа и не знал греческого. Однако поскольку был крещен, то имел на себе благодать.

Это – как бы вам сказать? – немного напоминает профессиональные тайны. То есть как обученный полицейский может понять, что такой-то человек не преступник, а другой лжец и вор, это для него очевидно. Вот так и монахи кое-что понимают, и в случае с ним это было явно. То есть Божия благодать, благодать Святого Духа – это нечто такое, что существует и меняет человека, это несомненно и доказано. Люди, связанные с Церковью, имеют на себе что-то – у них иное излучение, в котором нет фальши. Если же человек захочет притвориться церковным, то получится какой-то спектакль: этого изобразить невозможно, потому что ты сразу же перестаешь быть естественным. Потому что благодать действительно существует, и она – нечто совсем иное, то есть действительно существует какая-то реальность, связь, реальное присутствие, что-то такое, что действительно подается человеку.

Священник, совершая таинство, благословляет крестом венцы и самих молодоженов, чтобы показать, что их связь, во-первых, основана на Божией благодати и благословении, а во-вторых, имеет крестный характер. Мы женимся не ради сладострастия или наслаждения. Ну ладно, ты обязательно-

но женишься, найдешь такого человека, который будет тебя привлекать со всех точек зрения, даже телесно, и это не плохо. То есть ты не можешь жениться на девушке, к которой не испытываешь влечения, в том числе плотского, и это не должно вас шокировать, потому что в браке связь человека охватывает всё.

Это звучит парадоксально и странно, но влечение должно быть. Конечно, если есть только плотское влечение, тогда брак обречен на провал, потому что ты встал на неверное основание. То есть он не может развиваться во времени, выстоять, просто потому, что телесное единство там может быть, но нет душевного единства с другим человеком. Если ты душевно не общаешься с другим, тогда остальное ничего не значит. Телесная связь не что-нибудь особенное, и она не помогает людям. И хоть бы помогала, я и в другой раз говорил вам, что был бы счастлив, если бы плотское единство помогало людям, помогало обрести душевное единство: люди тогда избавились бы от стольких терзаний, супруги были бы любящими, счастливыми, сплоченными, они вообще не расставались бы, но, к сожалению, очевидно, что дела обстоят иначе.

Брачная связь – это крестная связь, связь, основанная на Божием благословении, которая предполагает, что человек вступает в нее осознанно, с готовностью переступить через себя, превозмочь свое «эго» для того, чтобы общаться с другим человеком. Он должен освятить себя, саму эту связь,

другого человека, опустошить себя, предать себя в руки другого человека, а не овладеть им. Как иногда говорят: «Ты все равно будешь моей!» Но с Божией точки зрения это напоминает войны Артаксеркса, жаждавшего завладеть Грецией.

Стоит только услышать такие слова, мы приходим в ужас. Что значит, что ты овладеешь мной? Ты что, меня уничтожишь? А Бог не говорит, что собирается овладеть нами. Он даровал нам жизнь, Самого Себя отдал нам в пищу, дал нам Свои Тело и Кровь, чтобы мы их ели и пили, чтобы приняли Его в себя и были живы. Вот это и есть любовь – отдать себя другому, чтобы он был жив тобою. Как Христос сделал это. *«Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком (Ин. 10, 10). Я пришел в мир, чтобы отдать вам Себя в пищу и питье, чтобы вы жили, и не просто жили, но имели жизнь с избытком. Чтобы вы изобиловали жизнью».*

Это любовь. Это Крест Христов, это крестная связь, бывающая у человека с другим, когда он осознаёт, на какую почву встал, чтобы выстроить эту свою связь. И тогда человек может почувствовать, что его жизнь идет священным путем: другой человек освящен, тело другого освящено, и их связь не что-то случайное.

В Лимасоле была конференция, посвященная биомедицинской этике, и на ней выступал один многоуважаемый преподаватель, который об этом как раз и говорил, что врач должен смотреть на другого как на нечто священное, в том числе на его тело и состояние. Нельзя подходить к больному

и срывать с него простыню, когда он лежит под ней голый, а вокруг пятьдесят студентов или практикантов. Врач должен научиться уважать пациента, и когда надо кого-то осмотреть, то обнажать только ту часть его тела, которую надо осмотреть, а не раздевать его целиком, чтобы человек оказался в чем мать родила. Ну стесняется он! А врачу понравилось бы, если бы с ним сделали то же самое? Давайте положим его на кровать и посмотрим, понравится ли ему, если мы созовем сюда человек пять-шесть соседей? То есть даже если ты врач, тебе надо иметь чувство сакральности человека.

Расскажу вам кое-что из практики погребений. Когда умирает священник (да и простой христианин тоже, но мы говорим сейчас о священниках), тело священника переодевают и готовят к погребению только священники, никому больше делать этого не позволено. То же самое и в случае с монахами. В «Евхологии»² написано, что непозволительно смотреть на обнаженное тело монаха.

Когда надо его переодеть, нужно делать это со всем почтением, по описанному в последовании способу³, а не обна-

---

² Евхологий – сборник молитв, предназначенный для священников.

³ «Егда кто от монахов ко Господу отъидет, понеже не подобает омыватися телу его, ниже видетися отнюд нагу, на сие учиненный монах губою отирает мощи его теплою водою, творя прежде губою крест на челе скончавшагося, на персах, на руках, и на ногах, и на коленях, вящше же ничтоже. Потом же приносит чистую ризу, и облачит его, отъемшейся первее ветсей, никакоже наготу его видевет; и по внегда облещи его, возлагает на него кукуль. Аще великаго образа есть, обложив шлемом свыше главы, и свесив и даже до браны, якоже не видетися лицу мощей его» (Последование исходное монахов).

жать его целиком. Не то чтобы голое тело было плохим, нет, оно не плохо, Бог создал нас такими, но наши страсти злы; тело не зло, и у нас нет таких телесных членов, которые были бы греховными, а другие – священными. Все члены человека святы, весь человек крещается, мы принимаем Христовы Тело и Кровь, и весь человек освящается. Господь умер на Кресте за весь мир, чтобы явить Свое полное смирение, что за нас Он претерпел все и не постыдился висеть нагим на Кресте, умирая за мир.

Человек может так поступать по отношению к себе, но не по отношению к другому. Даже если ты врач, даже если перед тобой лежит труп, мертвец, ты не можешь относиться к телу другого неблагоговейно.

Точно так же, когда умирает священник, его одевают в священнические облачения, и мы, монахи, тоже храним одежды, в которых давали обет Христу, свою схиму, что останемся верны Христовой любви до смерти. И храним их для смертного часа. Готовимся, наши погребальные одежды уже готовы.

А вы помните, дети, что наши бабушки их тоже хранили? Вы еще застали таких бабушек? Что они хранили? Помните, что они хранили? Свое свадебное платье. Не белое, а то, которое носили на второй день, ведь свадьба тогда продолжалась по многу дней. Тогда все не заканчивалось тем, что ты получишь конвертик с деньгами, а на другой день молодожены начнут мучиться, потому что родители садятся считать

деньги и смотрят, сколько дал этот, сколько дал тот.

Недавно у нас был один развод, и причиной, по которой дело дошло до него, стало то, что на другой день после свадьбы, когда стали считать деньги, с одной стороны сказали:

– Наши знакомые дали больше денег!

– Нет, наши знакомые больше! – ответили с другой.

Так началась распря, и за одну неделю брак распался.

Люди хранили свою свадебную одежду, которую носили на второй день свадьбы, они лежали в ней в гробу, и вместе с ней брали с собой брачные венцы. То есть то, чем их увенчивали, они брали с собой, чтобы показать верность, сакральность, серьезное отношение, которое было у них к браку: он был абсолютно священен для них.

Вспоминаю сейчас и будто вижу перед собой бабушку. Она, когда уже стала старенькой, открыла большой комод, который осеяла крестом, прежде чем открыть; она не открывала его просто так: бах! – и открыла. Там она держала все свои ценности, которые хранила, и от них комод благоухал. И вот она вытащила платье, синее такое платье, и говорит:

– Вот это платье, в которое вы оденете меня, когда умру!

Она его берегла. Еще раз надела его, чтобы посмотреть, в пору ли оно, не надо ли где подогнуть, чтобы в последний час люди не мучились с этим, позвала и портниху, чтобы та тоже его посмотрела, и чтобы все было готово, венцы, всё. Какое это хорошее отношение, дети, как же это человечно!

Когда все строится на Божием благословении, тогда у человека здоровый настрой и по отношению к тому, что он делает и что говорит другому человеку. Думаю, вот это правильное отношение к таинству Брака и есть самое лучшее, что может человек сделать для того, чтобы его брак был крепким. Беседы с родителями тоже полезны, так же как и с психологами, то есть с теми людьми, которые научат нас общаться между собой: что другой должен сказать тебе, и как ты должен ему ответить, о чем нам говорить между собой. К сожалению, теперь это для нас необходимо, и как же трагично, что мы уже вынуждены обращаться к специалистам, чтобы научиться разговаривать с собственной женой, с мужем, чтобы мы знали, что нам сказать и как ответить, когда вернемся домой. И мы платим по пятьсот лир за шестимесячный «course»⁴, так это теперь у нас называется.

Вспоминаю одну бабушку, которая пришла в храм и говорит:

– Батюшка здесь?

– Нет. Его нет!

– Апуway⁵ приду в другой раз!

Это было так смешно.

Итак, шестимесячный курс, чтобы научиться общаться. Это современный человек. Он может общаться по интернету, через e-мейл, может пойти, куда хочет, узнать все, что

---

⁴ Course (англ.) – курс.

⁵ Апуway (англ.) – в любом случае.

захочет, а вот общаться со своей женой, с детьми не может. Да научись ты сначала разговаривать с женой, а потом уже говори с интернетом! Научись, сын мой, прежде разговаривать со своей женой, с детьми, научись этому простому делу, этому человеческому общению – наипростейшему делу. И потом уже общайся с другими. Это тоже не запрещается. Но вот чего жаль:

мы не понимаем, что потеряли человека. В этой суматохе, в которой живем, мы потеряли человека, утратили самые простые человеческие навыки.

Конечно, если родитель уходит утром, а возвращается ночью, когда ребенок уже спит, он потерял ребенка. Когда же ты увидишь своего ребенка, когда ощутишь это детское присутствие, когда будешь наблюдать, как он растет с момента своего рождения, если утром выходишь в семь и возвращаешься в восемь вечера, когда ребенок уже спит? Или ждет тебя в кресле, чтобы взглянуть на тебя и отправиться спать. И утром то же самое.

Вот ты и лишился такой возможности. А почему? Потому что должен работать, зарабатывать деньги. Хорошее это дело – деньги, но когда заработаешь деньги, две машины, акции, ты уже потеряешь своих детей. И поймешь, что потерял самое важное. Лучше бы у тебя не было всего, а были бы эти серьезные и важные вещи, составляющие не что-нибудь, а человеческую жизнь. Не говоря уже о духовных вещах, то есть о том, какая связь складывается у людей с Богом. Но

нам бы стать хотя бы людьми, не говоря уже о чем-то еще.

К сожалению, дикость – уже не особенность диких племен, живущих в джунглях, если таковые еще остались. Она уже симптом нашего общества. И это трагично, дети. Самое трагичное – это видеть супругов, которые не могут общаться между собой. К сожалению, я часто сталкиваюсь с этим, когда приходят супруги с такими проблемами. Говоришь им:

– Да ладно вам, дети, это же так просто – общаться!

А в ответ ничего. И из-за любой мелочи происходит взрыв.

Это болезненное состояние, где не видно концов, то есть того, что надо исцелить. Стоишь, наблюдаешь за ними и не знаешь, куда бы наложить бинт, что залечить и что вообще делать.

Все это плоды нашего менталитета, мы за него расплачиваемся. К сожалению, мы так научились, нас так научили. И на Церковь тоже ложится вина, она тоже несет ответственность, поскольку как следует не говорила людям о своей истине, а ограничивалась их информированием. Мы виноваты, потому что утратили свою суть.

Я самый неподходящий человек для того, чтобы говорить вам обо всем этом: я монах, никогда не был женат, с двадцати двух лет не был на свадьбах – так что представьте себе, насколько я не гожусь для того, чтобы говорить вам о таких вещах, ибо не имею никакой связи с ними. Я вышел из Святой Горы Афон и говорю вам то, что говорят отцы, бывшие

подвижниками, люди, не имевшие отношения ко всему этому.

Когда читаешь отцов, то находишь этот баланс, это ведение вещей. Но почему же они об этом знали? Потому что правильно жили в Церкви, а тогда уже не нужна никакая философия, чтобы сказать человеку, как ему общаться с другими.

Это и есть то, чему мы учимся в монашестве. Не думайте, будто монашество отличается в этом отношении. В монастыре мы тоже учимся общаться с другим человеком, причем с помощью послушания, смирения, с помощью того, чтобы сказать ему: «Прости!» Понять, что это ты ошибаешься, а не другой. Может, ты и имеешь на что-нибудь право, внешне имеешь право. Я много раз говорил об этом старцу, а он нам отвечал:

– Если бы я был судья, то сказал бы тебе: «Ты имеешь право». Но ты не имеешь права, даже если у тебя есть на это право! Потому что ты не смотришь на вещи по-духовному.

Что ж, другой тебя оскорбил, оклеветал, а ты прими это по-духовному, не отвечай злом на зло. Этим ты не сможешь ему. Значит, надо брать ответственность на себя, и один великий святой Церкви говорит: «Возьми ошибку на себя, скажи: “Здесь ошибаюсь я!”» Неважно, что по закону другой не прав. Это я ошибаюсь, и я беру на себя ошибку и ответственность. Я учусь работать внутри себя, поэтому могу общаться с другими, я учусь преодолевать себя и делать все то, чему

стараются научиться в монастыре.

Знаете, как это трудно? Это нелегко, и в браке это тоже нелегко, трудно, там это так же трудно, как в монашестве. То есть научиться общаться с другим, стоять по десять часов на бдении и чтобы другой рядом с тобой сплевывал, храпел или дурно пах. Ты этого не хочешь терпеть и говоришь: «Меня это раздражает!» А что значит «меня это раздражает»? Ровным счетом ничего, ты будешь стоять там.

Вспоминаю одного монаха на Святой Горе. В одном из монастырей было много монахов, получивших спортивное образование. В известное время много молодых людей из спортивной академии в Афинах стали монахами: какие-то боксеры, атлеты, и они смотрелись как гиганты. И был в этом монастыре один монах, который, бедненький, был маленьким, а его ставили посередине, и по обе стороны от него вставляли боксеры и смотрели на него вот так, сверху вниз, во время бдения. Он говорил:

– Я не могу, мне страшно! Вижу над собой этих существ, которые выше меня в полтора раза!

Но он должен был стоять там, чтобы научиться преодолевать себя, ломать себя, чтобы принять другого человека, а не просто сказать: «Знаешь, я терплю тебя!» Это неприемлемо. Не «терплю тебя», а «люблю тебя!» Вот как. Христос не сказал нам: «Терпи врага своего», но «Возлюби врага своего» (см. Мф. 5, 44)! Надо умереть за врага своего, говорит Христос, надо любить его, как самого себя (см. Мф. 19, 19).

А если надо любить врага как самого себя, то насколько же больше свою супругу, ближнего, соседа, коллегу, брата.

То, что кажется таким простым, о чем мы так легко говорим, это и есть самый большой подвиг для человека – пре-возмочь себя. Но, чтобы он это сделал, чтобы он не побоялся, но еще и ощущал при этом некий уют, он должен сначала преодолеть смерть, чтобы у него перед ней не было страха. А чтобы достигнуть этого, человек должен вкусить бессмертия, ощутить, что существует нечто по ту сторону вещей, вкусить Божию любовь, которая тебя освобождает. Она дает тебе ощущение бессмертия, с которым ты побеждаешь смерть и уже не боишься ничего: ни если тебя оклеветают, ни если обидят, ни даже если убьют – ничего. Ты проходишь через все в совершенном мире, безо всяких затруднений, и именно потому, что у тебя есть реальная свобода, которая рождается от правильного взгляда на вещи, от правильной связи с Богом и более всего – от присутствия и благословения Божия.

Многие сегодня спрашивают: «Разве это плохо – иметь с кем-нибудь отношения?» Ну конечно же, дети, когда вы будете жениться и захотите создать семью с какой-нибудь девушкой, а женщины – с мужчиной, то – как бы тут выразиться? – тебе ведь не вручат какой-то черный ящик, чтобы, когда ты откроешь его, оттуда выскочила девушка, и ее не пришлют тебе по почте, то есть воля Божия не открывается как в сказке. Ты обязательно познакомишься с другим человеком,

с какой-нибудь девушкой, пойдешь погулять с ней, вы поговорите, покушаете, посидите, поговорите по телефону.

Я хочу сказать, что мы действительно можем и должны знакомиться с другим человеком. Слушайте, нам надо преодолевать эти нездоровые страхи. Церковь учит нас правильно смотреть на человека рядом с собой. В монашестве мы тоже учимся смотреть на другого человека красиво и свято. Святой апостол Павел говорит, что во Христе нет ни мужского пола, ни женского (см. Гал. 3, 28), а это значит, что ты перешагиваешь через пол и не смотришь на другого как на мужчину или женщину. Церковь настаивает на личности, на имени человека: Костя, Мария, Елена, Георгий. Церковь считает, что в человеке все определяет личность, а не пол, как утверждают некоторые врачи.

Например, идет кто-нибудь в поликлинику, а врач говорит: «Пускай зайдет желчь», «Пускай зайдет печень», «Пускай зайдет слепой». Да разве у них нет имени? Я что – желчь, если страдаю желчью?

Не знаю, слышали ли вы, но врачи спрашивают так: «А это кто у нас?» – «Это желчь», «Это камни». Хорошо, но ведь это же Костя, у которого проблема с желчью. Он человек, у которого такая-то болезнь. Он же не желчь, не легкие, не сердце.

Так что другой человек – это не только мужской или женский пол, он личность, человек. И когда мы научимся иметь это священное чувство, тогда ты действительно можешь вый-

ти с какой-нибудь девушкой: она тебя не съест, и ты ее тоже не съешь. Ради Бога, неужели мы тут же съедем друг друга, если выйдем на улицу? Погулять, сесть где-нибудь, поговорить. То есть разве уже нет вероятности, что два человека просто поговорят и не будет никакого лукавства, чего-то плотского и опасного?

Да, но как человек может быть уверен в этом, если его с малых лет учат смотреть на другого определенным образом? Все эти вещи, которые рекламируют... К сожалению, самая большая пагуба исходит от тех бесстыдных вещей, которые показывают по телевизору. Но ведь это скотские вещи, такие скотские, что...

Страшно, как повреждается душа человека, когда он смотрит такое. Думаю, кто смотрит такие порочные вещи, журналы и фильмы, тому потом нужен огромный труд, чтобы преодолеть это и посмотреть на другого невинным взором. В то время как ум чистого человека даже не устремляется туда. Он не такой и вполне комфортно общается с другим.

Наша цель – научиться преодолевать подобные трудности и иметь комфортные, красивые отношения. То есть не пол главным образом характеризует нас. В Церкви эти моменты отменяются, но не в смысле, что мы делаемся каким-то нейтральным полом, нет! А в том смысле, что мы уже реально общаемся как люди, а эти моменты обретают сакральный характер и достоинство. Поэтому мы спокойно можем узнать другого человека, уважая его, любя, а уважая другого чело-

века, уважаем себя, присутствие Бога, не говоря всякой лжи и не давая ложных обещаний.

Вы видите, что обручение совершается пред Богом, перед многими свидетелями, и ты говоришь: «Я хочу эту девушку, чтобы мы шли с ней по жизни и она стала моей женой». Это очень серьезно – сказать: «Я люблю этого человека», – и доказать это, и получить Божие благословение. Ты признаёшь это перед всеми людьми, пред Богом и даже в качестве гарантии надеваешь кольца, свидетельствующие о том, что ты

действительно поступаешь серьезно.

Это очень важно и серьезно – подумать, что ты скажешь другому человеку, какое обещание ему дашь: «Я действительно люблю тебя и хочу, чтобы мы поженились, чтобы мы вместе прожили всю жизнь!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.